

Годъ III.

2

Апрѣль.

1901

*9/57/2-69
III*

Дорожникъ

Содерж.

ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ

JTINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 4.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушена.

1901.

Г. Павлодаръ, Семипалатинской обл.

(Окончаніе, — см. 3 ю кв. „Дорожника“ за тек. годъ).

Жителей въ Павлодарѣ тысячъ шесть съ небольшимъ*). Городъ населенъ казаками, киргизами, татарами и въ послѣднее время разнымъ пришлымъ элементомъ, составляющимъ изъ себя самое незначительное меньшинство. Главный и преобладающій элементъ населенія—казаки. Казаки народъ въ высшей степени миролюбивый и не походятъ на своихъ сородичей донскихъ казаковъ; народъ хотя и способный, но въ тоже время очень лѣный, неподвижный и какой-то безпечный. Казаки почти всѣ земледѣльцы и живутъ зажиточно, но, тѣмъ не менѣе, „лѣнь и безпечность“—обычныя свойства каждаго казака. Казаки страшные любители лошадей; у каждаго домовладѣльца казака имѣется ихъ по нѣсколько головъ, рѣдко меньше десятка, и любягъ они, по преимуществу, рысистыхъ лошадей. Для того чтобъ пріобрѣсти хорошихъ лошадей, казакъ не жалѣетъ денегъ. Казаки также большіе любители выпить и погулять, а потому особенною нравственностью не отличаются. Любятъ себя показать и блеснуть своею удалю и молодечествомъ, и иной разъ не прочь и „прихвастнуть“, особенно передъ киргизами. Съ послѣдними у нихъ постоянно идетъ соперничество по части верховой ѣзды и поэтому поводу устраиваются между ними иногда и состязанія, при чемъ побѣдителями бывають попеременно то киргизы, то казаки. По части „выкидыванія разныхъ штукъ и фортелей“ при отчаянной бѣшеной ѣздѣ казаки берутъ верхъ, хотя есть и между киргизами настоящіе джигиты и наѣздники, мало въ чемъ уступающіе даже и цирковымъ наѣздникамъ. Казаки съ самыхъ малыхъ лѣтъ уже умѣютъ говорить по киргизски, иногда даже и между собой объясняются на этомъ языкѣ. Вообще, казаки съ киргизами живутъ очень дружно. Киргизъ боится казака, а потому и уважаетъ его, а казакъ въ киргизѣ видитъ необходи-

*) По всеобщей переписи 1897 г. жителей въ Павлодарѣ, считая въ томъ числѣ и населеніе пригородной станицы Коряковской, 7730 (4160 м. п. и 3570 ж. п.).

Примѣч. Редак.

маго для себя человѣка, безъ котораго обойтись ему нельзя, и потому между ними и существуетъ дружба, рѣдко чѣмъ либо нарушаемая. Киргизы и татары живутъ въ такихъ же домахъ, какъ и русскіе, но нѣкоторые, особенно киргизы, въ землянкахъ на краю города. Постройки ихъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, развѣ только тѣмъ, что во дворахъ у киргизъ, обыкновенно, болѣе грязи и навозу, чѣмъ у казаковъ; такъ какъ киргизы, вообще, народъ очень неопрятный.

Лучшее впечатлѣніе производятъ татарскія постройки. Онѣ богаче и красивѣе и въ нихъ больше порядка и чистоты. Татаръ живетъ въ городѣ не меньше, чѣмъ киргизъ. Татары живутъ очень зажиточно, имѣютъ всегда по нѣсколько лошадей и рогатаго скота; есть между ними и богатые купцы, и скотопрмышленники. Послѣдніе встрѣчаются и среди киргизъ, но богатыхъ скотопрмышленниковъ киргизъ въ городѣ мало; они, преимущественно, живутъ въ степяхъ, идѣ и имѣютъ громадные табуны лошадей и рогатаго скота, иногда въ нѣсколько тысячъ головъ. Въ городѣ же живутъ киргизы уже обрусѣвшіе, хотя и сохраняющіе свои вѣру и языкъ, но прекрасно владѣющіе русскимъ языкомъ и вездѣ принятые. Есть между городскими киргизами и интеллигентные, учившіеся въ русскихъ начальныхъ школахъ, въ учительскихъ семинаріяхъ, а также въ фельдшерскихъ и ветеринарныхъ школахъ, умѣющіе даже танцовать, любящіе бывать въ общественномъ собраніи и любители карточной игры, носящіе иногда даже и русскую одежду (впрочемъ.—въ очень рѣдкихъ случаяхъ).

Надо замѣтить—киргизы дорожатъ своею національною одеждою и обычаями и рѣдкіи изъ нихъ разстается со всеми своими національными привычками—также, какъ и татары. Чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ у него роскошнѣе одежда и головной уборъ. Ихъ любимый нарядъ—яркій пестрый хатать съ узорами или цвѣтами изъ шелковыхъ или шерстяныхъ матерій: „малахай“, т. е. головной уборъ, изъ дорогого мѣха, опушенный соболемъ или горностаемъ и покрытый сверху дорогимъ атласомъ.

Татары—тѣ меньше любятъ одѣваться въ дорогія одежды, чѣмъ богачи киргизы. Богатые татары мало отличаются по одеждѣ отъ менѣе зажиточныхъ. Та же татарская высокая мѣховая шапка или круглая башмаковая, или мерлушковая мелкодонная шапка, и тѣ же „коты“.

Тѣ и другіе, народъ въ высшей степени спокойный и тихій; вѣчно заняты своимъ дѣломъ: въ особенности татары, изъ которыхъ большая часть торговцы.

Присутствие въ городѣ киргизъ съ ихъ характернымъ образомъ жизни и привычекъ, придае тѣ Павлодару характеръ настоящаго степного города. Тѣ же картины, какія вы видите въ

степи, встрѣтите и въ городѣ. Тѣ же киргизы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, тѣ же безобразно-уродливые верблюды, тѣ же скрипучія арбы. Только тамъ, въ степи, попадается все это сравнительно рѣже, чрезъ большіе промежутки времени, а здѣсь — на каждомъ шагу.

Кромѣ живущихъ здѣсь постоянно киргизъ, въ городѣ днемъ ихъ наѣзжаетъ еще много изъ степи и ближнихъ ауловъ. Степного киргиза вы рѣдко встрѣтите здѣсь одного; они собираются почти всегда кучками. Одни изъ нихъ сидятъ на „корточкахъ“ по киргизски у телѣги или арбы; другіе верхомъ на коняхъ; третьи на волахъ, коровахъ или верблюдахъ; а иные, растянувшись на землѣ, апатично и безучастно глядятъ въ небо, а то и такъ стоятъ. Иногда достаточно тремъ-четыремъ изъ нихъ собраться, какъ скоро къ нимъ присоединится цѣлый десятокъ ихъ. И сидитъ эта куча киргизъ иногда по цѣлымъ часамъ подъ палящими лучами лѣтнаго солнца, изрѣдка лишь переговариваясь межъ собой, или просто съ любопытствомъ осматривая каждаго проходящаго съ головы до ногъ, а иной разъ — и просто смотрятъ вверхъ. Киргизъ любопытенъ и лѣнивъ. Случается пѣлые дни онъ развѣзжаетъ верхомъ на конѣ изъ конца въ конецъ по городу и по степи, чтобы поразнообразить свои скудныя впечатлѣнія. Узнать что-нибудь новенькое, а то и такъ поглазѣть Киргизъ всегда на вольномъ воздухѣ; какъ дитя природы, онъ не любитъ сидѣть ни въ домахъ, ни въ юртахъ, особенно лѣтомъ. Мѣховая шапка, спускающаяся на уши и на шею, теплый ватный халатъ, подпоясанный ремнемъ съ металлическими бѣлыми (у богатыхъ — серебряными) бляхами, теплые, съ кошмою въ срединѣ, кожаные сапоги — вотъ обычный костюмъ киргиза и лѣтомъ и зимою; съ нимъ онъ рѣдко разстается. А во время работъ въ лѣтнюю пору, когда не въ моготу ему будетъ жаръ, — такъ онъ, ни мало не стѣсняясь, и все сброситъ съ себя. Ребятишки киргизы лѣтомъ бѣгаютъ почти голякомъ.

Куда бъ вы ни пошли по городу и въ какое угодно время дня — вы всегда встрѣтите эти разношерстные кучки киргизъ, нерѣдко и киргизокъ, взадъ и впередъ снующихъ по городу. Пѣшаго киргиза рѣже можно встрѣтить; онъ почти всегда на конѣ, съ которымъ, вообще, рѣдко разлучается.

Вѣчно хладнокровные и спокойные, съ какимъ то тупымъ равнодушіемъ на лицѣ, грязные и часто оборванные, пріѣзжающіе въ городъ киргизы производятъ крайне грустное и непріятное впечатлѣніе. Что-то забытое и подавленное неволью бросается въ глаза въ этихъ неуклюжихъ и неповоротливыхъ фигурахъ, какими представляется большая часть бѣдняковъ киргизъ (постоянно въ городѣ живутъ, имѣя даже и собственныя дома,

преимущественно, богачи изъ киргизъ). Вообще, въ городѣ киргизъ чувствуетъ себя „не въ своей тарелкѣ“, точно звѣрь въ клеткѣ; ему все чуждо здѣсь; онъ не привыченъ къ городу,—его стихія, его родина и кровь—широкая безпредѣльная степь, гдѣ онъ чувствуетъ себя свободнымъ и полнымъ хозяиномъ. Въ городѣ онъ пріѣзжаетъ лишь на время. Надоѣстъ ему взадъ и впередъ скакать по степи,—онъ ѣдетъ позвѣвать въ городѣ, встрѣтить знакомаго или пріятеля „тамыр“, поговорить, поболтать на досугѣ, продать барана или коня и на вырученныя деньги купить что-нибудь для себя или для своихъ „бабич“. Прежде чѣмъ купить въ лавкѣ, киргизъ цѣлый день будетъ торговаться, совѣтоваться, думать, присматриваться и опасаться, чтобъ его не надули... и все таки, въ концѣ концовъ, не замѣтитъ, какъ его обвѣсятъ или обсчитаютъ, умѣяюще ладить, надувать и жить въ дружбѣ съ ними—павлодарскіе прикащики и купцы.

Киргизы народъ податливый, съ ними завсегда можно коммерцію поддержать—такъ, обыкновенно, выражаются про нихъ ихъ павлодарскіе друзья—торговцы и купцы, наживающіе на торговлѣ съ ними въ короткое время цѣлые капиталы. Киргизъ рѣдко имѣетъ деньги, онъ больше отдаетъ „натурой“, а товары въ лавкахъ беретъ чаще въ долгъ въ счетъ будущаго сѣна или приплода отъ скота. Рѣдкій изъ бѣдныхъ киргизъ не состоитъ должникомъ у какого нибудь павлодарскаго купца или обывателя, а то и у своего собрата—богача киргиза. Забитый и невѣжественный, любящій „полодарничать“ киргизъ, незамѣтно для самого себя, охотно позволяетъ эксплуатировать собой и своимъ имуществомъ. Вотъ почему и всѣ, ведущіе торговля дѣла съ киргизами, быстро наживаютъ въ короткое время большіе капиталы. Киргизъ знаетъ это; знаетъ что его вездѣ и во всемъ надувають, а потому и самъ не прочь надуть, и въ этомъ случаѣ, если захочетъ,—промахъ рѣдко дастъ. Но, не смотря на это, киргизы съ русскими, въ особенности съ купцами, живутъ въ въ большомъ ладу, сознавая взаимную необходимость другъ въ другѣ. Русский купецъ у киргиза первый гость; онъ для угощенія его все готовъ отдать: заколетъ для него лучшаго барана, зажаритъ кусокъ лучшей конины вдоволь напоить лучшимъ **кумысомъ**. Кромя того, тѣ и другіе иногда обмѣниваются подарками, причемъ павлодарскій купецъ въ этихъ случаяхъ себя никогда не обидитъ и всегда сумѣетъ остаться „съ барышемъ“.

Въ послѣднее время всѣ поденные и чернорабочіе и даже почти всѣ извозчики въ Павлодарѣ—почти исключительно киргизы. Большинство ихъ знаютъ лишь немного по русски; всѣ же остальные, особенно степные, не знаютъ почти ни одного русскаго слова. Каждый киргизъ рабочій, если онъ только недавно въ городѣ, прежде всего выучивается просить; первыми его словами

на русскомъ языкѣ «*на водка бай*» (хотя водки и не пьеть), или, складывая губы и вдыхая въ себя воздухъ и указывая пальцемъ въ ротъ, произносить: „*давай папироска*“. Надо замѣтить, что табакъ у нихъ начинаетъ входить въ употребленіе лишь въ послѣднее время и то больше среди городскихъ киргизъ и, вообще киргизъ, вращающихся среди русскихъ, большею частью рабочихъ — у русскихъ подрядчиковъ, купцовъ, горнопромышленниковъ.

Рабочаго киргиза вездѣ теперь можно встрѣтить въ городѣ; онъ и кучеръ, и работникъ, и разсылный; онъ же и носильщикъ на пароходахъ и дровокладъ; онъ же и паромщикъ, — всюду и вездѣ онъ годенъ для работъ. Киргизъ прежде всего и дешевле и содержаніе его недорого; наконецъ, онъ и невзыскателенъ, хотя и лѣнивъ, но сильный и здоровый, и если захочетъ, то можетъ работать, какъ хорошая рабочая лошадь, не зная усталости. На пароходахъ и баржахъ всѣ поденные рабочіе — киргизы. Интересно наблюдать, какъ иногда группа киргизъ тащить какую нибудь тяжесть. Если здѣсь нужна сила трехъ — четырехъ человѣкъ, ихъ всегда беретъ восемь — десять, и всѣ съ крикомъ и какимъ то дикимъ визгомъ суетятся, толкаются, показываютъ, что надрываются, — лишь бы хозяева видѣли, и дали бы имъ на чай за то, что они изъ всѣхъ силъ стараются. А выйти лѣтгомъ на Иртышъ — весь берегъ всегда усѣянъ киргизами. Здѣсь они и одеждой иногда не стѣсняются. Перевозчики на паромѣ, перевозящемъ пассажировъ съ одного берега на другой, — всѣ киргизы, и лишь замѣтятъ, что пассажиръ при деньгахъ, то стараются грести изъ всѣхъ силъ, кричатъ, ругаются, одинъ другаго подбадривая, и паромъ живымъ манеромъ доставляютъ на другой берегъ, послѣ чего тотчасъ же обступаютъ толпой пассажира, крича ему: „*бай, бай, акча давай водка*“, и не отступаютъ до тѣхъ поръ, пока не получаютъ отъ него „на чай“. А получивъ послѣднее, стараются тутъ же затащить пассажира къ себѣ въ юрту и угостить его, конечно за деньги, кумысомъ, всегда имѣющимся у нихъ въ запасѣ.

Помимо казаковъ, киргизъ и татаръ, въ Павлодарѣ живетъ много и евреевъ, преимущественно ремесленниковъ, потомковъ ссыльныхъ. Въ послѣднее время на окраинахъ города стали селиться въ Павлодарѣ и крестьяне-переселенцы изъ Европейской Россіи, въ особенноти съ тѣхъ поръ, какъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ стали разрабатываться разные рудники, прииска и каменноугольныя копи. Часть этихъ крестьянъ отправлялась на эти рудники и копи, а часть промышляла въ городѣ поденной работой и извозомъ.

Что касается „интеллигенціи“ города, то ея здѣсь немного. Нѣсколько человѣкъ изъ лицъ администраціи, два врача, нѣ-

сколько офицеровъ, учителя, мѣстное русское купечество, да чиновный людъ. Казалось бы, скука и борьба съ нею могли бы сплотить этотъ небольшой кружокъ интеллигентныхъ лицъ въ одно дружное общество, способное къ разумной и полезной общественной дѣятельности; но на дѣлѣ этого нѣтъ. Общество это раздѣлено на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею собственною внутреннею жизнью, не выходящей изъ круга мелочей и интересовъ домашняго очага. Кружки эти часто находятся во взаимной враждѣ, полной разныхъ интригъ, дразогъ и сплетенъ. Вообще, общественная жизнь здѣсь не развита также, какъ и въ другихъ маленькихъ городахъ Сибири. Впрочемъ, зимой, когда на р. Усолкѣ стоитъ на зимовкѣ много пароходовъ, общественная жизнь нѣсколько оживляется; устраиваются подчасъ даже и любительскіе спектакли, хотя и рѣдко.

И, вообще, за послѣдніе 3—4 года Павлодаръ началъ оживляться. Во первыхъ, съ образованіемъ Товарищества Западнаго Сибирскаго пароходства и торговли, пассажирское и товарное движеніе по Иртышу значительно увеличилось, что тотчасъ же отразилось и на торговлѣ Павлодара. Во вторыхъ, въ послѣдніе два-три года въ окрестностяхъ Павлодара, какъ я уже упомянулъ выше, начали разрабатываться каменноугольныя копи, эксплуатируемыя новообразовавшимся „Воскресенскимъ Горно-Промышленнымъ Обществомъ“, поставившимъ дѣло разработки этихъ копей на широкихъ началахъ. Для какой цѣли оно таже построило и желѣзно-дорожную вѣтку на 110 верстъ—отъ Воскресенской пристани къ Экибасъ-Тузскимъ каменноугольнымъ копямъ. Кромѣ угля, общество разрабатываетъ и разную руду—мѣдную, платиновую и др. Съ открытіемъ дѣйствій этого общества въ городѣ стали прибывать съ разныхъ сторонъ большія партіи рабочихъ, служащихъ—и городъ сразу оживился. Торговля увеличилась, цѣны на продукты поднялись и спросъ на квартиры увеличился, отчего, разумѣется, онѣ сейчасъ же и поднялись въ цѣнѣ.

Кромѣ торговли скотомъ и кожами и хлѣбныхъ операций, многіе жители Павлодара занимаются еще соляными промыслами.

Богатство же залежей каменнаго угля, въ изобиліи находящихся почти по всему Павлодарскому уѣзду, нахождение залежей мѣдной и др. рудъ, удобная пристань на берегу Иртыша, торговля сношенія съ Омскомъ, Семипалатинскомъ и ближайшими городами Семипалатинской области—*предвѣщаютъ Павлодару блестящую будущность*, какъ крупнаго центра горнопромышленной дѣятельности этого края. Въ послѣднее время, съ заселеніемъ этого края крестьянами переселенцами, занимающимися исключительно земледѣліемъ, оно стало понемногу прививаться и среди

нѣкоторыхъ киргизъ, бросающихъ мало-по-малу свой кочевой образъ жизни и постепенно переходящихъ къ осѣдлому. Такимъ образомъ, если сейчасъ Павлодаръ и не служитъ центромъ хлѣбнаго рынка, то со временемъ долженъ будетъ занять крупное мѣсто и въ этомъ отношеніи.

Соединеніе Павлодара желѣзной дорогой съ другими городами Сибири и особенно съ сибирской магистралю значительно оживило бы этотъ богатый и какъ бы заброшенный степной край и вмѣстѣ съ этимъ помогло бы обрусѣнію этого края, гдѣ русскій элементъ какъ бы теряется среди господствующаго киргизскаго племени. Необходимость проведенія здѣсь желѣзной дороги является тѣмъ болѣе желательной, что въ послѣднее время, какъ уже замѣчено, Сибирскія рѣки стали значительно мелѣть.

А. М—скій.